

На это письмо я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Ясная Поляна. 13 ноября 08 г. Многоуважаемый Н. П. Статья Н. Э. Федорова послана была Сергѣенкѣ, но онъ не могъ ее напечатать. Сейчасъ она или у него, или у В. А. Кожевникова. Альманахъ его еще не вышелъ. Сегодня Л. Н. получилъ отъ издателя его корректуры вашей статьи и, просмотрѣвъ ихъ, не нашелъ нужнымъ предложить вамъ какія либо поправки. Съ искреннимъ уваженіемъ Н. Гусевъ“.

14 января сего уже 1909 года я послалъ Льву Николаевичу слѣдующее письмо:

„Простите, Левъ Николаевичъ, чтѣ пишу вамъ еще разъ,—но это ужъ въ послѣдній разъ. Я только что прочелъ ваше удивительное—*„Не могу молчать“*, и то не въ полномъ видѣ, а такъ, какъ оно напечатано въ № 14 журнала „Пробужденіе“, и меня больше всего поразило въ этомъ произведеніи ваше обѣщаніе распространять *„встѣми силами“* (т. е. дѣйствовать силою,—насиліемъ по вашему,—слѣдовательно, *злымъ* путемъ?) свои писанія въ надеждѣ, что васъ или посадятъ въ тюрьму или даже повѣсятъ и такимъ образомъ избавятъ васъ отъ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользуетесь,—вашей просторной комнаты, вашего обѣда, вашей одежды и проч.,—и тогда уничтожится ваша связь *„съ страшными пресшупленіями, которыя совершаются для устраненія тѣхъ, кто желалъ-бы отнять“* у васъ то, *чѣмъ вы пользуетесь*. „Вы пишете, что *долго* боролись съ чувствомъ, которое возбуждаютъ въ васъ эти преступленія, но теперь вы не можете и не хотите больше бороться съ этимъ чувствомъ, не можете больше молчать, потому что *людямъ этимъ необходимо обличеніе*“ и потому, что надѣетесь, что ваше *обличеніе этихъ людей вызоветъ желательное* вамъ *изверженіе* васъ *тѣмъ или другимъ путемъ изъ того круга людей, среди котораго* вы живете (ваше семейство?) *и въ которомъ вы не можете не чувствовать себя участникомъ*. Но почему же вы не можете уйти изъ круга людей, очевидно вамъ ненавистныхъ, *безъ всякаго надъ вами насилія, добровольно*; почему вамъ *добровольно* не покинуть тотъ домъ, гдѣ ваша уютная комната, гдѣ исполняются ваши малѣйшія желанія и уйти, куда глаза глядятъ. Неужели вамъ слишкомъ дороги и милы тѣ удобства, которыми вы пользуетесь и которыя въ другихъ возбуждаютъ такую зависть, что нужны казни, или, какъ вы ихъ называете, страшныя преступленія, чтобы сдерживать проявленія зависти? Но если эти удобства вамъ такъ дороги, что вы сами, не имѣя силы отказаться отъ нихъ добровольно, рѣшились *встѣми силами* раздразить власти, чтобы они лишили васъ этихъ удобствъ насильно, то какъ вы смѣете обличать, упрекать другихъ за то, что другіе не дѣлаютъ того самого, что и вы безъ насилія надъ Вами сдѣлать не можете не въ силахъ?... Если вы не можете сдѣлать этого въ отношеніи себя лишь самого, то какъ вы можете требовать, чтобы такъ поступили тѣ, отъ дѣйствія которыхъ зависятъ миллионы людей? Неужели вы серьезно думаете, что Царь напримѣръ, услышавъ вашу проповѣдь, ваше обличеніе, ваше требованіе пере стать *„дѣлать то, что дѣлаете“*, могъ бы распустить войско, уничтожить полицію, закрыть всѣ учрежденія отъ высшихъ до низшихъ, и покинувъ свой дворецъ, уйти,